

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(1): 4-13

DOI: 10.13187/rs.2020.1.4
www.ejournal15.com

To the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: History and Memory

The Great Patriotic War in the Historical and Anthropological Researches

Evgeny F. Krinko ^{a, *}

^a Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The recent historiography is characterized by increased attention to a human. The purpose of the article is to reveal new directions and approaches in the study of the history of the Great Patriotic War, which took shape mainly in the 1990–2000s, allowing one to “return” the “human dimension” to its events. The article is based on historiographic sources – modern studies of Russian and foreign authors. These works examine various problems of the Great Patriotic War in the framework of historical anthropology and related areas: the history of mentalities, the history of everyday life, microhistory, and gender history. All these areas are distinguished by the shift of attention from the state institutions to the human world in all its diversity and interaction with other people, behavioral strategies and conditions for the survival of individuals and groups, wartime symbols and rituals. The article was written on the basis of a systematic approach, the author used the problem-chronological method, the methods of mainstreaming and logical analysis.

Keywords: Great Patriotic War, Russian historiography, historical anthropology, mentality, everyday life, microhistory, gender history.

1. Введение

75-летие Победы в Великой Отечественной войне представляет собой хороший повод для переосмысления накопленного опыта ее изучения. В данной связи надо отметить, что историография Великой Отечественной войны прошла большой и противоречивый путь, став одним из ведущих исследовательских направлений в советской исторической науке, и сохраняет этот статус во многих постсоветских государствах. В то же время она на протяжении всего периода своего существования подвергалась значительному политическому и идеологическому воздействию, а в настоящее время превратилась, вероятно, в главный полигон «боев за историю», в которых принимают активное участие не только и не столько сами историки, сколько политики разного уровня и ранга. Не случайно М.С. Плетушков и А.С. Якушевский, подводя итоги развития историографии Великой Отечественной войны еще в середине 1990-х гг., отмечали, что вплоть до распада СССР она «на протяжении всего своего существования контролировалась сверху, Центральным Комитетом КПСС, и фактически являлась отраслью партийной пропаганды. После распада

* Corresponding author
 E-mail addresses: krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko)

СССР, хотя и исчез прежний тотальный контроль, история войны продолжает писаться по политическим меркам» (Плетушков, Якушевский, 1995: 8). Резкие оценки развития и состояния советской историографии Великой Отечественной войны были даны в первой половине 1990-х гг. и другими исследователями (Мерцалов, Мерцалова, 1992, Кулиш, 1996 и др.). С другой стороны, немало историков в это время сохраняло приверженность прежним взглядам (см.: Золотарев, 2000). Но огульное отрицание достижений предшественников, без учета имевшихся у историков возможностей, как и, напротив, их апология с отказом от признания самой необходимости обновления науки, не могут являться позитивными методами историографического анализа.

Отрицательную роль в развитии советской историографии сыграло утверждение в ней методологического монизма в форме вульгаризованного марксизма. Отход от навязывавшихся историкам идеологических стереотипов, даже в условиях второй половины 1950–1980-х гг., нередко сопровождался негативными последствиями, что продемонстрировал, в частности, разгром «нового направления» (Поликарпов, 1996 и др.). В историографии Великой Отечественной войны примером подобного вмешательства со стороны партийных органов может служить ситуация с книгой А.М. Некрича, «22 июня 1941 г.» (Некрич, 1965), обсуждение которой привело к изъятию ее тиража в 1967 г. и исключению автора из КПСС с последующей его эмиграцией за рубеж. Противоречивую роль играло и превращение истории Великой Отечественной войны в основу патриотического воспитания: утверждение формализованных подходов в сочетании с замалчиванием многих «белых пятен» способствовало нарастанию отчуждения к данной теме со стороны части общества.

Современная историография Великой Отечественной войны не только попыталась иначе, чем прежде, взглянуть на ранее сложившиеся сюжеты, но поставить и решить новые исследовательские проблемы. Цель данной статьи – раскрыть новые направления и подходы в изучении истории Великой Отечественной войны, сложившиеся в основном в 1990–2000-х гг., позволяющие «вернуть» ее событиям «человеческое измерение».

2. Материалы и методы

Цель статьи предопределила выбор соответствующих источников и исследовательской методологии. В качестве историографических источников выступают современные исследования российских и зарубежных авторов, рассматривающих различные проблемы Великой Отечественной войны в рамках исторической антропологии и близких ей направлений. Статья написана на основе системного подхода, позволившего рассматривать изучение истории Великой Отечественной войны как совокупности нескольких взаимосвязанных проблем и вопросов. При анализе историографических источников использовались проблемно-хронологический метод, а также методы актуализации и логического анализа.

3. Обсуждение и результаты

Ведущим исследовательским направлением, отражающим усиление внимания в историографии к человеку, в последние десятилетия выступает историческая антропология. Как особое научное направление историческая антропология сформировалась в трудах основоположников французской Школы «Анналов» М. Блока и Л. Февра, хотя ее истоки имеют более глубокое происхождение. По словам Ж. Ле Гоффа, историческая антропология представляет собой «общую глобальную концепцию истории. Она объемлет все достижения новой исторической науки, объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропология» (Гуревич, 1993: 297). Выступая результатом тесного междисциплинарного взаимодействия с представителями смежных исследовательских направлений – этнологами, психологами и лингвистами, историческая антропология способствовала существенному расширению «территории историка». В проблематику исследований оказались включены восприятие жизни и смерти, болезней и телесности, возрастных периодов (включая детство и старость), социальные практики, системы питания и манеры поведения, праздники и будни, социальные страхи и ожидания, слухи и другие темы, находившиеся прежде за пределами внимания профессиональных историков. Отличительной особенностью данного подхода являлось стремление понять

социальные процессы с позиций их непосредственных участников, а также повышенный интерес к языку и понятиям изучаемой эпохи, ее символам и ритуалам.

Отечественные специалисты, прежде всего А.Я. Гуревич, разрабатывали проблемы истории и культуры с позиций, достаточно близких школе «Анналов». Но только в 1990-х гг. в российской историографии начался существенный прорыв в формировании и последующем развитии историко-антропологического направления, в чем немаловажную роль сыграли публикации на русском языке работ ведущих зарубежных исследователей, а также семинары А.Я. Гуревича и издание с 1989 г. под его редакцией альманаха «Одиссей». В последующие три десятилетия историко-антропологический подход нашел отражение не только в целом ряде публикаций, но и в появлении специального учебного пособия, несколько раз переизданного (Кром, 2010).

Особенно значительное внимание российские исследователи в 1990-е – начале 2000-х гг. уделяли менталитету и его проявлениям в условиях военного времени. Данной теме был посвящен ряд специальных конференций (*Русская история, 1994, Менталитет и политическое развитие, 1996* и др.). Разработка проблемы породила ряд вопросов о том, кого следует считать носителем определенного типа ментальности: индивида, социальную группу или народ в целом, как соотносятся в этом понятии элементы сознательного и бессознательного, «другими словами, что в человеческом сознании и поведении соответствует термину “менталитет”, а для чего требуются какие-то иные термины?» (Кром, 2003: 181).

К сожалению, ответы исследователей, обращавшихся к данной проблеме на материалах Великой Отечественной войны, не всегда можно признать удовлетворительными. Так, В.Ф. Зима в специальной работе, посвященной менталитету народов России в годы Великой Отечественной войны, определяет его как «высшую субстанцию человеческого интеллекта, которая содержит необходимую информацию на все чрезвычайные ситуации жизни. Менталитет выражает национальный характер. Основа менталитета – подсознание» (Зима, 2000: 16). В то же время в дальнейшем в работе рассматривается «влияние войны на демографическую ментальность народа», под которой понимает отражение жертв войны в памяти людей, характеризуется «солдатская ментальность», «партизанская ментальность» и даже «ментальность советского генерала». Другой автор одну из глав своей монографии назвал «Советский человек на фронте и в тылу: повседневный быт и ментальности (на примере Северного Кавказа)» (Азашиков, 1993: 75). Однако предметом его изучения выступают общественные настроения и их эволюция, формирование образа «врага» в представлениях советских граждан. Очевидно, что в данном случае происходит смешение понятий «менталитета» и «ментальности» с массовым общественным сознанием. По мнению М.М. Крома, «расширительное толкование и чересчур частое использование термина “менталитет” снижает эффективность его применения в качестве инструмента исследования» (Кром, 2003: 185).

Возрастание количества работ, посвященных «человеческому измерению» войн и вооруженных конфликтов, в первую очередь, Великой Отечественной войны, позволило заговорить о формировании нового исследовательского направления – военно-исторической антропологии как комплексной междисциплинарной отрасли исторической науки на стыке психологии, социологии, культурологии, военной науки и некоторых других дисциплин. В ее становлении значительную роль сыграла Е.С. Сенявская, по инициативе которой в 2002 г. была создана Ассоциация военно-исторической антропологии и психологии «Человек и война», проведены три круглых стола, призванные способствовать институционализации данного направления. Изданные по итогам их работы материалы стали важнейшими историографическими фактами в изучении военной истории в целом и истории Великой Отечественной войны в особенности в рамках антропологического подхода (Военно-историческая антропология, 2002, 2005, 2006).

Ключевыми задачами конкретно-исторических исследований в рамках нового направления считается: определение того общего и особенного, что влияет на психологию социума и армии в конкретной войне; изучение взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов, в том числе механизмов формирования героических символов, а также диалектики соотношения образа войны в массовом сознании и сознании ее участников; анализ психологии боя и солдатского фатализма, проявлений религиозности и

атеизма, особенностей самоощущения человека в боевой обстановке и других проблем (Сенявская, 2002).

Собственные исследования Е.С. Сенявской посвящены формированию в годы Великой Отечественной войны особого типа личности, который она определила как комбатанта – человека воюющего. Отмечая индивидуальный характер восприятия мира человеком, Е.С. Сенявская подчеркивает, что война порождала новые общие стереотипы поведения. При этом свое влияние на сознание людей оказывали как социально-демографические факторы, так и внешние условия – конкретная боевая обстановка, характер физических и нервных нагрузок, наиболее вероятный вид опасности, специфика контактов с противником, взаимодействие с техникой, особенности военного быта (Сенявская, 1995). Эти исследования были продолжены на материалах и других войн, которые вела Россия в XX в. В качестве самостоятельных проблем Е.С. Сенявская рассмотрела роль религии и атеизма на войне, проанализировав солдатские суеверия как форму бытовой религиозности, солдатский фатализм и отношение к смерти на войне, формирование образа врага, а также впервые в историографии поставила вопросы о сложностях «выхода» из войны поколения фронтовиков (Сенявская, 1997, 1999 и др.).

Следует согласиться с М.М. Кромом в том, что сфера применения антропологического подхода все более расширяется в последнее время. Постепенно в нее включаются история повседневности и частной жизни, семьи и детства, другие сюжеты, ранее не являвшиеся предметом специального изучения (Кром, 2010: 170). Предметом специального изучения стала советская военная повседневность, характеризующаяся усилением чрезвычайности во всех сферах жизни общества (Кринко и др., 2011). Война вызвала массовую социальную мобильность: миллионы советских граждан меняли место и образ жизни, занятия и основные предпочтения. В военное время трансформировалась социальная структура, менялась система ценностей. Исследователи обратились к практикам выживания советских военнослужащих в годы Великой Отечественной войны с учетом разных родов и видов войск (Ларионов, 2015а, 2015b и др.) и сложностям адаптации к мирной жизни вернувшихся с войны фронтовиков (Зубкова, 2000). В историографии находят свое отражение вопросы повседневной жизни в тылу, в том числе в эвакуации (Потемкина, 2008), в партизанских отрядах и на оккупированной территории (Павлова, 2005; Ковалев, 2011 и др.), а также частная жизнь в условиях военного времени (Кринко и др., 2013).

Обращает на себя внимание то, что в качестве источниковой основы в указанных исследованиях, наряду с традиционными для историографии Великой Отечественной войны официальными документами, статистикой и периодической печатью, все чаще используются источники личного происхождения – воспоминания, письма и дневники. Многие авторы и сами записывают интервью с участниками и очевидцами военных лет, которых становится все меньше и меньше. Постепенно уходящим поколением, непосредственно видевшим и помнящим войну, становятся уже и дети военного времени. В данной связи в полной мере оправданным представляется обращение многих исследователей к влиянию войны на детские судьбы, в том числе по результатам проведенных с ними интервью. В частности, судьбы детей Сталинграда стали предметом изучения в крупном исследовательском проекте, реализованном под руководством М.А. Рыбловой, в ходе реализации которого в течение двух лет, в 2014–2015 гг. были записаны 264 интервью (Детство и война, 2015). Отражению войны в памяти очевидцев, переживших ее в детском возрасте, ее влиянию на детские судьбы был посвящен и ряд других исследований (Вторая мировая война, 2010 и др.).

Новый взгляд на повседневную жизнь и систему ценностей в блокадном Ленинграде предложили С.В. Яров и другие исследователи (Женщина и война, 2006, Яров, 2012 и др.). Предметом специального исследования стали слухи и их роль в коммуникативном пространстве военного общества (Кринко, 2009, Пянкевич, 2014). Широко разрабатываемым сюжетом стало изучение представлений о себе и другом в советском обществе военного времени, формирование образов врагов и союзников (Кринко, 2010; Голубев, Поршнева, 2011 и др.).

К истории женщин в годы Великой Отечественной войны не раз обращались советские историки. Но, пожалуй, первой специфически женский взгляд на Великую Отечественную войну представила белорусская писательница С.А. Алексиевич в

документально-очерковой книге, написанной на основе собранных ею лично интервью. Она отмечала: «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания. Если мужчину война захватывала, как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание – для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны» (Алексиевич, 1988: 10-11).

Разработка «женской темы» на материалах Второй мировой войны получила новое звучание в 1990-е гг., в первую очередь, в связи с использованием гендерных и феминистических подходов, сторонники которых акцентируют внимание на трагизме женского военного опыта, связанного с сексуальным и другими видами насилия. Несмотря на всю неоднозначность выводов авторов данных исследований, они ставят ряд важных вопросов о проблеме интерпретации и интериоризации травмы, дискурсивной природы и идеологической детерминации исторической памяти. В последние годы появились профессиональные исследования, посвященные проблемам адаптации женщин к службе в рядах Красной армии и связанным с этим трудностям, включая и проблемы взаимоотношений полов (Никонова, 2005 и др.). Среди них выделяется фундаментальностью поставленных задач и аргументированностью выводов монография двух австралийских историков Р. Марквика и Э. Шарон Кардоне (Markwick, Charon Cardona, 2012).

Острую полемику в последнее время вызвал вопрос о массовых изнасилованиях, совершенных бойцами и командирами Красной армией в Германии и других европейских странах, поднятый книгой английского историка Э. Бивора. Он полагает, что только в Берлине советские военнослужащие совершили 100 тыс. изнасилований, а всего были изнасилованы 2 млн немецких женщин, многие по несколько раз (Beevor, 2002). Эти цифры вызвали резкую критику его оппонентов, справедливо указывающих на необоснованность использования для данных выводов статистики аборт в отдельных госпиталях, тем более ее экстраполяции на остальную Германию. В современной российской историографии признаются факты мародерства и насилия со стороны отдельных военнослужащих РККА, но отмечается, что советское командование стремилось строго пресечь данные действия, во многом вызванные мстостью и ненавистью к врагу, а подавляющее большинство солдат и офицеров сумело преодолеть эти чувства и проявить гуманность к гражданскому населению Германии (Сенявская, 1999: 270-275).

М. Гебхардт убедительно показывает, что в изнасилованиях участвовали далеко не только советские солдаты. По ее подсчетам, в послевоенное время «были изнасилованы, по меньшей мере, 860 000 женщин (и некоторое количество мужчин). По крайней мере, 190 000 женщины были изнасилованы американскими, остальные – британскими, бельгийскими или французскими солдатами». В связи с этим автор отмечает, что эти жертвы долго замалчивались по политическим причинам еще в условиях «холодной войны»: «Изнасилование женщин солдатами Красной армии было признано, хотя это делалось по идеологическим соображениям – пострадавшие стали свидетелями обвинения в конфликте Восток – Запад. Женщины, попавшие в руки американцев, британцев или французов, напротив, были наказаны презрением» (Гебхардт, 2015: 8).

Монография швейцарской исследовательницы Б. Бек, раскрывающая масштаб сексуальных преступлений в вермахте в годы Второй мировой войны и уголовной ответственности за них в различных оккупированных странах. Она также указывает на значительное количество интимных контактов немецких военнослужащих с русскими и украинскими женщинами без применения насилия, распространение так называемых «незарегистрированных супружеских пар» (Beck, 2004). Появились и в России первые работы, рассказывающие о прежде табуированных вопросах вступления советских женщин в добровольные интимные отношения с военнослужащими вермахта и других стран-союзниц Третьего рейха в период оккупации и позже, когда они находились в советском плену (Кузьминых, 2008; Ковалев, 2009).

4. Заключение

Разумеется, кругом указанных сюжетов не ограничивается в настоящее время опыт разработки истории Великой Отечественной войны в рамках исторической антропологии и

близких ей исследовательских направлений. Тем не менее, даже проведенный краткий анализ позволяет считать, что современные исследования российских и зарубежных историков создают все более разнообразные образы войны, в которых находят свое отражение судьбы, ценности, идеалы, массовые представления и практики выживания ее участников.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

Литература

- Алексиевич, 1988** – Алексиевич С. У войны не женское лицо... М.: Советский писатель, 1988. 367 с.
- Азашиков, 1998** – Азашиков Г.Х. Адыгея в годы войны. Майкоп: Издательство Майкопского технологического института, 1998. 113 с.
- Военно-историческая антропология, 2002** – Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / ред. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2002. 400 с.
- Военно-историческая антропология, 2005** – Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / ред. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2005. 464 с.
- Военно-историческая антропология, 2006** – Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения / ред. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с.
- Вторая мировая война, 2010** – Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей / ред. А.Ю. Рожков. Краснодар: Экоинвест, 2010. 377 с.
- Голубев, Поршнева, 2011** – Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.
- Гуревич, 1993** – Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа Анналов. М.: Индрик, 1993. 327 с.
- Детство и война, 2015** – Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 335 с.
- Женщина и война, 2006** – Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1945 гг. Сборник статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 314 с.
- Зима, 2000** – Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 277 с.
- Золотарев, 2000** – Золотарев В.А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // *Новая и новейшая история*. 2000. № 2. С. 4-11.
- Зубкова, 2000** – Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 230 с.
- Ковалев, 2009** – Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.
- Ковалев, 2011** – Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 619 с.
- Кринко, 2009** – Кринко Е.Ф. Неформальная коммуникация в закрытом обществе: слухи военного времени (1941 – 1945 гг.) // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 12 (100). С. 494-508.
- Кринко, 2010** – Кринко Е.Ф. Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941–1945 годах // *Российская история*. 2010. № 5. С. 74-89.
- Кринко и др., 2011** – Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.

Кринко и др., 2013 – Кринко Е.Ф., Тажидинова Т.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

Кром, 2003 – Кром М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО–XX, 2003. 559 с.

Кром, 2010 – Кром М.М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. Изд. 3-е. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Квадрига, 2010. 216 с.

Кузьминых, 2008 – Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. № 2. С. 114–119.

Кулиш, 1996 – Кулиш В.М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 214–315.

Ларионов, 2015а – Ларионов А.Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 295 с.

Ларионов, 2015б – Ларионов А.Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: управление, организация и материальные условия жизни РККА в 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 303 с.

Менталитет и политическое развитие, 1996 – Менталитет и политическое развитие России: Тезисы докладов научной конференции, Москва, 29–31 октября 1996 г. / ред. А.А. Горский. М.: Институт российской истории РАН, 1996. 149 с.

Мерцалов А., Мерцалова Л., 1992 – Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Довольно о войне? Воронеж: [Б.и.], 1992. 100 с.

Некрич, 1965 – Некрич А.М. 22 июня 1941 г. М.: Наука, 1965. 165 с.

Никонова, 2005 – Никонова О. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 563–576.

Павлова, 2005 – Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 593 с.

Плетушков, Якушевский, 1995 – Плетушков М.С., Якушевский А.С. Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная войны (историография). Сборник обзоров. М.: ИНИОН, 1995. С. 7–40.

Поликарпов, 1996 – Поликарпов В.В. Новое направление – последняя дискуссия советских историков // Советская историография М.: РГГУ, 1996. С. 349–400.

Потемкина, 2008 – Потемкина М.Н. Эвакуация населения в Уральском тылу (1941–1948 гг.). Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2008. 264 с.

Пянкевич, 2014 – Пянкевич В.Л. Люди жили слухами: неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2014. 478 с.

Русская история, 1994 – Русская история: проблемы менталитета: Тезисы докладов научной конференции, Москва, 4–6 октября 1994 г. / ред. А.А. Горский. М.: Институт российской истории РАН, 1994. 153 с.

Сенявская, 1995 – Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М.: Институт российской истории РАН, 1995. 218 с.

Сенявская, 1997 – Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.

Сенявская, 1999 – Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

Сенявская, 2002 – Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002, № 4. С. 135–145.

Яров, 2012 – Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М. – СПб.: Центрполиграф, 2012. 603 с.

Beck, 2004 – Beck V. Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten, 1939–45 / Krieg in der Geschichte. Band 18. Paderborn: Schöningh 2004, 368 p.

[Beevor, 2002](#) – *Beevor A.* Berlin. The Downfall 1945. London: Viking, 2002. 528 p.

[Markwick, Charon Cardona, 2012](#) – *Markwick R.D., Charon Cardona E.* Soviet Women on the Frontline in the Second World War. Basingstoke – New York: Palgrave Macmillan, 2012. 305 p.

References

[Aleksievich, 1988](#) – *Aleksievich S.* (1988). U vojny ne zhenskoe lico... [The war does not have a female face...]. M.: Sovetskij pisatel', 367 p. [in Russian]

[Azashikov, 1998](#) – *Azashikov G.H.* (1998). Adygeja v gody vojny [Adygea in the war's years]. Maikop: Izdatel'stvo Maikopskogo tekhnologicheskogo instituta, 113 p. [in Russian]

[Beck, 2004](#) – *Beck B.* (2004). Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten, 1939–45 [Wehrmacht and sexual violence: Sex crimes before German military courts, 1939–45]. Krieg in der Geschichte [War in History]. Vol. 18. Paderborn: Schöningh, 368 p.

[Beevor, 2002](#) – *Beevor A.* (2002). Berlin. The Downfall 1945. London: Viking, 528 p.

[Detstvo i vojna, 2015](#) – *Detstvo i vojna: kul'tura povsednevnosti, mehanizmy adaptacii i praktiki vyzhivaniya detej v uslovijah Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Stalingradskoj bitvy)* [Childhood and War: the culture of Everyday life, Adaptation mechanisms and Survival practices of children in the Great Patriotic War (based on the Stalingrad Battle)]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo filiala FGBOU VO RANKhiGS, 2015. 335 p. [in Russian]

[Golubev, Porshneva, 2011](#) – *Golubev A.V., Porshneva O.S.* (2011). Obraz sojuznika v soznanii rossijskogo obshhestva v kontekste mirovyh vojn [The image of an Ally in the minds of Russian society in the context of World wars]. M.: Novyi khronograf, 392 p. [in Russian]

[Gurevich, 1993](#) – *Gurevich A.Ja.* (1993). Istoricheskij sintez i shkola Annalov [Historical synthesis and the School of the Annals]. M.: Indrik, 327 p. [in Russian]

[Jarov, 2012](#) – *Jarov S.V.* (2012). Blokadnaja jetika. Predstavlenija o morali v Leningrade v 1941–1942 gg. [Blockade Ethics. Representations of morality in Leningrad in 1941–1942]. M. – SPb.: Tsentrpoligraf, 603 p. [in Russian]

[Kovalev, 2009](#) – *Kovalev B.N.* (2009). Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy [Collaborationism in Russia in 1941–1945: types and forms]. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 372 p. [in Russian]

[Kovalev, 2011](#) – *Kovalev B.N.* (2011). Povsednevnoj zhizn' naselenija Rossii v period nacistskoj okkupacii [Everyday life of the Russian population during the Nazi occupation]. M.: Molodaya gvardiya, 619 p. [in Russian]

[Krinko, 2009](#) – *Krinko E.F.* (2009). Neformal'naja kommunikacija v zakrytom obshhestve: sluhi voennogo vremeni (1941–1945 gg.) [Informal communication in a closed society: rumors of wartime (1941–1945)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. № 12 (100), pp. 494–508. [in Russian]

[Krinko, 2010](#) – *Krinko E.F.* (2010). Obrazy protivnika v massovom soznanii sovetskogo obshhestva v 1941–1945 godah [The enemy's images in the mass consciousness of Soviet society in 1941–1945]. *Rossijskaja istorija*. № 5, pp. 74–89. [in Russian]

[Krinko i dr., 2011](#) – *Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P.* (2011). Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920–1940h gg.: zhizn' v uslovijah social'nyh transformacij [The Everyday world of Soviet man of the 1920–1940s: Life in the conditions of Social transformations]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 360 p. [in Russian]

[Krinko i dr., 2013](#) – *Krinko E.F., Tazhidinova T.G., Khlynina T.P.* (2013). Chastnaja zhizn' sovetskogo cheloveka v uslovijah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mehanizmy realizacii (1941–1945) [The Private life of Soviet people in Wartime conditions: Space, Borders and Implementation mechanisms (1941–1945)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 362 p. [in Russian]

[Krom, 2003](#) – *Krom M.* (2003). Otechestvennaja istorija v antropologicheskoj perspektive [National history in an anthropological perspective]. *Istoricheskie issledovaniya v Rossii – II. Sem' let spustya*. Pod red. G. Bordyugova. 555 p. [in Russian]

[Krom, 2010](#) – *Krom M.M.* (2010). Istoricheskaja antropologija [Historical anthropology]. Izd. 3-e. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Kvadruga, 216 p. [in Russian]

[Kulish, 1996](#) – *Kulish V.M.* (1996). Sovetskaja istoriografija Velikoj Otechestvennoj vojny [Soviet historiography of the Great Patriotic War]. *Sovetskaya istoriografiya*. M.: RGGU, pp. 214–315. [in Russian]

Kuz'minyh, 2008 – *Kuz'minyh A.L.* (2008). Inostrannye voennoplennye i sovetskie zhenshhiny [Foreign prisoners of war and Soviet women]. *Otechestvennaja istorija*. № 2. pp. 114-119. [in Russian]

Larionov, 2015a – *Larionov A.E.* (2015). Frontovaja povsednevnost' Velikoj Otechestvennoj vojny: social'nye kommunikacii i duhovnaja zhizn' RSKA 1941–1945 gg. [Front-line daily routine of the Great Patriotic War: social communications and the spiritual life of the Red Army 1941–1945]. Moscow: Zolotoe sechenie, 295 p. [in Russian]

Larionov, 2015b – *Larionov A.E.* (2015). Frontovaja povsednevnost' Velikoj Otechestvennoj vojny: upravlenie, organizacija i material'nye uslovija zhizni RSKA v 1941–1945 gg. [Front-line daily routine of the Great Patriotic War: Management, Organization and Material conditions of life of the Red Army in 1941–1945]. M.: Zolotoe sechenie, 303 p. [in Russian]

Markwick, Charon Cardona, 2012 – *Markwick R.D., Charon Cardona E.* (2012). Soviet Women on the Frontline in the Second World War. Basingstoke – New York: Palgrave Macmillan, 305 p.

Mentalitet i politicheskoe razvitie, 1996 – *Mentalitet i politicheskoe razvitie Rossii* [Mentality and Political Development of Russia]: Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, Moskva, 29-31 oktyabrya 1996 g. Red. A.A. Gorskii. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1996. 149 p. [in Russian]

Mercalov, Mercalova, 1992 – *Mercalov A.N., Mercalova L.A.* (1992). Dovol'no o vojne? [Enough about the war?]. Voronezh: [B.i.], 100 p. [in Russian]

Nekrich, 1965 – *Nekrich A.M.* (1965) 22 ijunja 1941 g. [June 22, 1941]. M.: Nauka, 165 p. [in Russian]

Nikonova, 2005 – *Nikonova O.* (2005). Zhenshhiny, vojna i “figury umolchanija” [Women, the war and the “figures of silence”]. Pamyat' o vojne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 563-576. [in Russian]

Pavlova, 2005 – *Pavlova T.A.* (2005). Zasekrechennaja tragedija: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoj bitve [Secret tragedy: the civilian population in the Battle of Stalingrad]. Volgograd: Peremena, 593 p. [in Russian]

Pletushkov, Yakushevskii, 1995 – *Pletushkov M.S., Yakushevskii A.S.* (1995). Osobennosti otechestvennoj istoriografii Velikoj Otechestvennoj vojny [Features of domestic historiography of the Great Patriotic War]. Velikaya Otechestvennaya vojny (istoriografiya). Sbornik obzorov. M.: INION, pp. 7-40. [in Russian]

Polikarpov, 1996 – *Polikarpov V.V.* (1996) Novoe napravlenie – poslednjaja diskussija sovetskih istorikov [A new direction – the Last discussion of Soviet historians]. Sovetskaya istoriografiya M.: RGGU, pp. 349-400. [in Russian]

Potemkina, 2008 – *Potemkina M.N.* (2008). Evakonaselenie v Ural'skom tylu (1941–1948 gg.) [Evacuation in the Ural rear (1941–1948)]. Magnitogorsk: Magnitogorskii gosudarstvennyi universitet, 264 p. [in Russian]

Pyankevich, 2014 – *Pyankevich V.L.* (2014). Lyudi zhili slukhami: neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada [People lived by Rumors: the Informal communication space of the besieged Leningrad. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 478 p. [in Russian]

Russkaja istorija, 1994 – *Russkaja istorija: problemy mentaliteta* [Russian history: problems of mentality]: Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, Moskva, 4-6 oktyabrya 1994 g. Red. A.A. Gorskii. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 153 p. [in Russian]

Senjavsckaja, 1995 – *Senjavsckaja E.S.* (1995) 1941–1945: Frontovoe pokolenie: Istoriko-psihologicheskoe issledovanie [1941–1945: Front generation: Historical and psychological research]. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 218 p. [in Russian]

Senjavsckaja, 1997 – *Senjavsckaja E.S.* (1997) Chelovek na vojne. Istoriko-psihologicheskie ocherki [The man in the war. Historical and psychological essays]. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 232 p. [in Russian]

Senjavsckaja, 1999 – *Senjavsckaja E.S.* (1999) Psihologija vojny v XX veke: Istoricheskij opyt Rossii [Psychology of War in the XX century: the Historical experience of Russia]. M.: ROSSPEN, 383 p. [in Russian]

Senjavsckaja, 2002 – *Senjavsckaja E.S.* (2002). Voенно-istoricheskaja antropologija – novaja otrasl' istoricheskoi nauki [Military historical anthropology – a new branch of historical science]. *Otechestvennaja istorija*. № 4. pp. 135-145. [in Russian]

Voenno-istoricheskaja antropologija, 2002 – Voenno-istoricheskaja antropologija [Military historical anthropology]. Yearbook, 2002. Predmet, zadachi, perspektivy razvitija [Subject, tasks, development prospects]. Red. E.S. Senyavskaya. M.: ROSSPEN, 2002. 400 p. [in Russian]

Voenno-istoricheskaja antropologija, 2005 – Voenno-istoricheskaja antropologija [Military historical anthropology]. Yearbook 2003/2004. Novye nauchnye napravlenija [New scientific directions]. Red. E.S. Senyavskaya. M.: ROSSPEN, 2005. 446 p. [in Russian]

Voenno-istoricheskaja antropologija, 2006 – Voenno-istoricheskaja antropologija [Military historical anthropology]. Ezhegodnik, 2005/2006. Aktual'nye problemy izucheniya. Red. E.S. Senyavskaya. M.: ROSSPEN, 416 p. [in Russian]

Vtoraja mirovaja vojna, 2010 – Vtoraja mirovaja vojna v detskih “ramkah pamjati” [World War II in the children's “memory framework”]: sbornik nauchnykh statei. Red. A.Yu. Rozhkov. Krasnodar: Ekoinvest, 337 p. [in Russian]

Zhenshhina i vojna, 2006 – Zhenshhina i vojna. O roli zhenshhin v oborone Leningrada [1941–1945 gg.]. [Woman and War. On the role of women in the defense of Leningrad. 1941–1945]. Digest of articles (2006). Sbornik statei. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 314 p. [in Russian]

Zima, 2000 – *Zima V.F.* (2000). Mentalitet narodov Rossii v vojne 1941–1945 godov [The mentality of the peoples of Russia in the war of 1941–1945]. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 267 p. [in Russian]

Zolotarev, 2000 – *Zolotarev V.A.* (2000). Problemy izucheniya istorii Velikoj Otechestvennoj vojny [Problems of studying the History of the Great Patriotic War]. Novaya i noveishaya istoriya, № 2. pp. 4-11. [in Russian]

Zubkova, 2000 – *Zubkova E.Ju.* (2000). Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 [Post-war Soviet society: Politics and Everyday life. 1945–1953]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 230 p. [in Russian]

Великая Отечественная война в историко-антропологических исследованиях

Евгений Федорович Кринко ^{а,*}

^а Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – раскрыть новые направления и подходы в изучении истории Великой Отечественной войны, сложившиеся в основном в 1990–2000-х гг., позволяющие «вернуть» ее событиям «человеческое измерение». Статья основана на историографических источниках – современных исследованиях российских и зарубежных авторов. Данные работы рассматривают различные проблемы Великой Отечественной войны в рамках исторической антропологии и близких ей направлений: истории ментальностей, истории повседневности, микроистории, гендерной истории. Все эти направления отличает перенос внимания с государственных институтов на мир человека во всем его многообразии и взаимодействии с другими людьми, стратегии поведения и условия выживания индивидов и групп, символы и ритуалы военного времени. Статья написана на основе системного подхода, автор использовал проблемно-хронологический метод, методы актуализации и логического анализа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, российская историография, историческая антропология, менталитет, повседневная жизнь, микроистория, гендерная история.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко)